

троих родила? Мало кому объяснишь мою ситуацию, не все ее понимают.

«У нас было 5 квартир, но у меня не было ключей ни от одной»

— На момент знакомства с Шульгиным вы были замужем за саратовским музыкантом, приехавшим с вами в Москву.

— Мы вместе работали в ночном клубе, он пианист и очень хороший человек. К сожа-

леть, что они скорее всего остались в Германии. Причем не в гостинице, а в доме друга-немца. Говорю: «Давай позвоним Вернеру, спросим». Тогда в первый раз и получила «по первое число», неважно, в какое место. А перчатки действительно оказались у Вернера, и он вскоре переслал их в Россию.

— Но Шульгин, если верить его словам, сильно сожалеет о случившемся и верит, что все вернется на круги своя.

лючен некий «брачный контракт», то я, получается, больше ни на что и претендовать не могу. Вот так!

— Между гастролями (до развода) вы, наверное, находясь по делам в Москве, пользовались всеми этими пятью квартирами?

— Ключей от них мне никто не давал. Как, впрочем, и денег, которых вечно не было. Обычно ведь как было: выступила в Москве — и сразу в Крешину.

— Вы, разумеется, человек неглупый. Как же вы могли подписать тот «брачный контракт», если невооруженным глазом видно, что он составлен не в вашу пользу?

— У меня было очень тяжелое моральное состояние. Через полгода разводиться с Шульгиным я собиралась по-любому, не веря всем его клятвам и обещаниям исправиться, которые и до этого произносились тысячи раз. И меня в том контракте устраивало хотя бы то, что после развода у меня и детей будет свой угол, где я совершенно спокойно, не оглядываясь на Шульгина, смогу жить. Не забывайте, что на момент подписания контракта всех этих роскошных квартир не было, они были приобретены позже.

— Однако по прошествии полугодия разводиться вы передумали...

— Дело тут вот в чем. Я была сильно закручена по рабо-

дией узел немедленно, то на меня повесили бы все эти огромные долги, займы, недополученную прибыль. То есть завалили бы так, что я никогда в жизни не подняла бы головы. Я понимала, что должна затормозить ситуацию таким образом, чтобы выйти из этого всего хотя бы финансово безболезненно. Свой последний концерт отработала 14 января этого года — и больше не выходила на сцену, не пела нигде. Все!

«У меня не было денег ни на метро, ни на губную помаду»

— Мне приходилось слышать, что стоимость ваших сольных выступлений варьировалась в районе пяти тысяч долларов, а вот в руки вам муж мог дать долларов 125, не больше.

— Бывало и такое. Но чаще я не получала никаких денег с концерта: моя зарплата была виртуальная. Хотя по контракту с Шульгиным значилась сумма в 25 процентов. Потом писали, что я получала пятьдесят процентов, но вконец обнаглела и стала требовать семьдесят. А на самом деле денег у меня не было никогда, даже на метро! Только за последний год, когда окончательно поняла, чем все закончится, он какие-то деньги давал, если мне надо было.

— Что, даже на какую-нибудь нужную вам губную помаду денег не было?

— При разводе вы никаких личных вещей не лишились?

— По контракту все, что находится в Крешину, мое. Все там и осталось. Тряпок, слава Богу, не отбирали.

— Но у вас, кажется, и машины личной не осталось?

— Своей машины у меня никогда не было. «Фольксваген», на котором езжу, оформлен по доверенности на другого человека.

— Давайте обсудим последнюю новость, касающуюся якобы вашей супружеской неверности.

— Плести интриги — любимое занятие Шульгина, это его стихия. Трудно играть, когда на шахматной доске стоит одна фигура. Поэтому ему понадобилось добавить туда еще одну — Сергея Николаевича Филоненко. Ошибка которого и вся его вина состоит лишь в том, что он оказался не в том месте и не в тот час: полтора (а не три) года Филоненко был директором моего коллектива. И на работу его принимал лично Шульгин, который очень ценил профессиональные качества Филоненко.

— Рассказывали, что в контроре Шульгина люди менялись постоянно, а вот Филоненко на целых полтора года тормознулся...

— Текучка кадров была совершенно сумасшедшая, так как мало кто выдерживал прессинг и стиль работы Шульгина. Филоненко же — суперпрофессионал в своем деле, придаться к нему невозможно. Шульгин же не может открыто признаться, что причина развода — десятилетние издевательства его над своими домочадцами. Поэтому нужно сместить акцент и сделать кого-то виноватым. Бурная фантазия и неистощенная творческая энергия подвигли Шульгина придумать версию моего замужества. Причем он совершенно не пожалел реальную семью Филоненко. Ему наплевать на нынешнее положение его дочери-школьницы, жены, которую, кстати, зовут Ирина, а не Валентина.

— Признаться честно: Филоненко мужчина видный? Отмечали ли вы в нем подобные качества, хотя бы так, между прочим?

— Да не обращала я на него внимания как на мужчину! Дело в том, что все, кто меня знает, хором скажут, что я ни на каких мужчин, имея мужа, даже не смотрела. Шульгин любил прилюдно похвастаться этим: «Она — чистейший, светлейший человек. Таких вообще сейчас нет!» Это он про мое отношение к вопросам морали, семейных ценностей. Я хочу подчеркнуть, что ни разу в жизни у нас с Шульгиным не было проблем, связанных с ревностью. Ни разу в жизни я ему не давала ни малейшего повода. И он это знает прекрасно.

Окончание на стр. 24

Хуже у меня в жизни, чем было, уже не будет

Билл меня у друзей перчаток

лению, когда появился Шульгин, наш брак с Ярошевским близился к финалу. У меня была совершенно нормальная жизнь, и я ни в чем особом не нуждалась. Уже вращалась в профессиональных кругах и была в них известна. Мною уже интересовались, и на момент встречи с Шульгиным я не была какой-то там золушкой. А первый муж, кстати, и после моего ухода к продюсеру Шульгину продолжал работать в том же ночном клубе.

— Интимных отношений у вас с продюсером не было два года, но он сделал предложение, и вы, говоря языком вашего же шлягера, «таю, таю, таю...»

— Шульгин, когда нужно, может быть чертовски обаятелен. Настолько, что человек теряет всякую бдительность. Ведь недаром вдова Визбора, Нина Филимоновна, говорила мне: «Как ему так удалось меня провести? Я ведь очень хорошо разбираюсь в людях!» Он уникально воздействует на людей, когда включает все свое обаяние, все свое актерское мастерство — эдакий душечка, лапочка, умничка, ну просто ангел! Через два месяца после его предложения мы поженились.

— И стали жить вместе. Когда «душечка и лапочка» впервые показал кулачки?

— Через два месяца. Мы спешно уезжали из Германии — у Александра в Иркутске умер отец. Я буквально за десять минут собрала свои вещи, но в маленьком бумажном пакете (я думала, он пустой) остались перчатки от концертного костюма. Прилетели в Россию, прошли похороны, а через месяц он меня спрашивает: «А где перчатки от этого костюма?» И тут я начинаю пони-

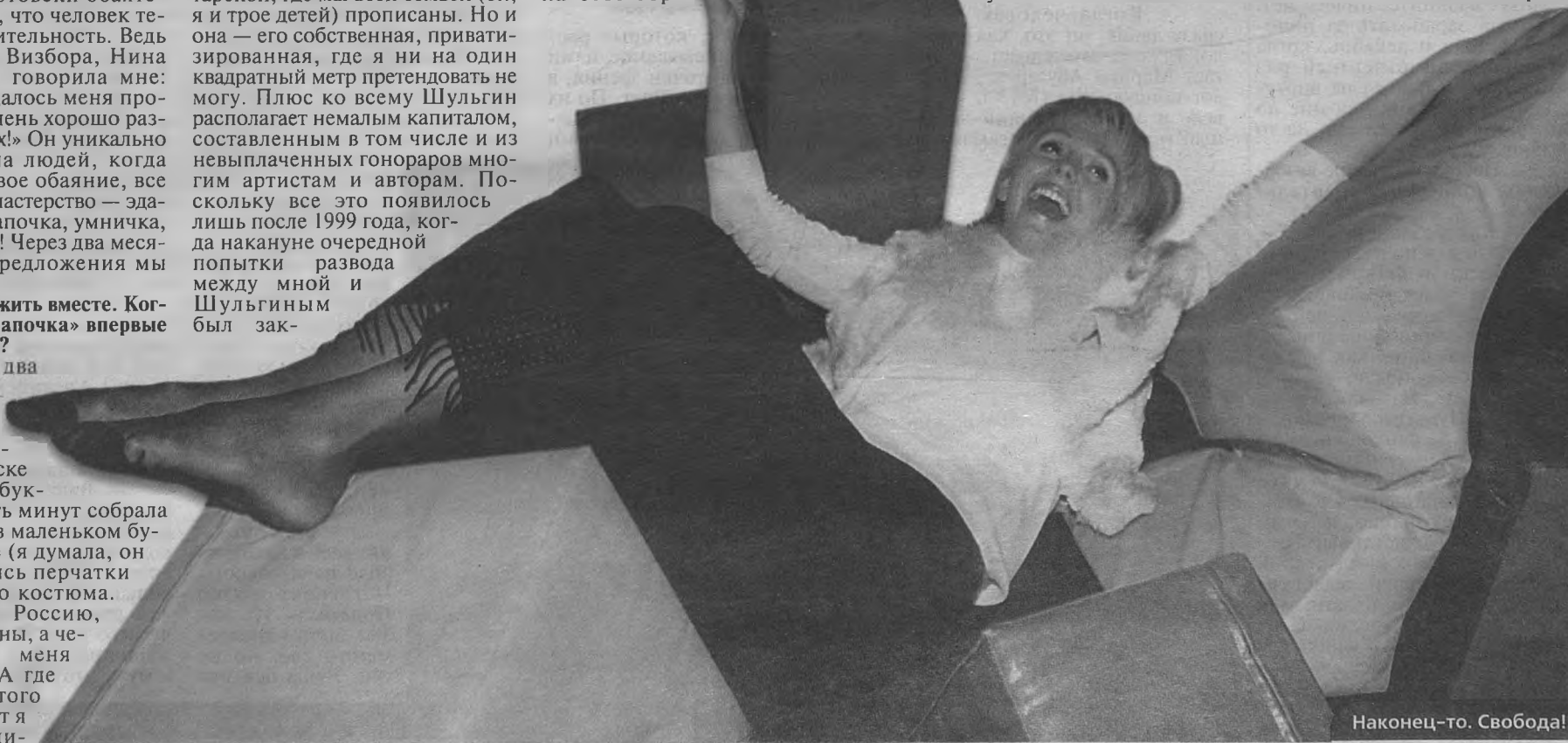
— Да, он предстает таким добрым и несчастным, всеми обманутым. А я вот целый дворец отхватила с бассейном, хотя дом тот не на 400 метров, как пишут, а всего на 180. А бассейн — детский, раскладной, из пластика. Самому Шульгину имущества досталось всего ничего: две фирмы, офис на Тверской в 250 квадратных метров, три суперквартирки — две в элитном доме в Кунцево (340 и 175 метров), третья — в самом центре, в Камергерском переулке, в историческом доме, где жил писатель Лев Кассиль (150 кв. метров). Плюс пара небольших квартир: довольно приличная с евроремонтом на Сретенке и обычная «двушка» на Пролетарской, где мы всей семьей (он, я и трое детей) прописаны. Но и она — его собственная, приватизированная, где я ни на один квадратный метр претендовать не могу. Плюс ко всему Шульгин располагает немалым капиталом, составленным в том числе и из невыплаченных гонораров многим артистам и авторам. Поскольку все это появилось лишь после 1999 года, когда накануне очередной попытки развода между мной и Шульгиным был зак-

те, денег не было. Я принесла тогда первые спонсорские деньги, которые дали лично мне, а не Шульгину. На них стала делать новые записи. Шульгин очень не хотел, чтобы я ушла в другую звукозаписывающую компанию, и начал как-то очень активно работать. Получилось, одна песня пошла на ура, другая. Остановить процесс немедленно я не могла, хотя знала, что на заработанные мною от концертов деньги (а я действительно их давала штук 250 в год, это не преувеличение!) приобретаются и ремонтируются квартиры и т.д. Но если бы я разубедила этот гор-

— Да, всякий раз надо было подходить и говорить, что мне нужна помада. Я не говорю уже о платье каком-нибудь. Он, кстати, бережно сохранял все чеки, чтобы предъявлять мне, в какую копеечку я ему влеваю.

— Но как-то по приезде в Череповец вы впопыхах забыли в вагоне сумочку с драгоценностями на 4,5 тысячи долларов.

— Это полная ерунда. Те немногие украшения, которые имею, я никогда не возила на гастроли. Это не какие-то супербрюлики, а просто скромные вещицы, интересные не ценой, а оригинальностью. Если их продать как лом, то выйдет очень смешная сумма.

Наконец-то. Свобода!